

умереть, чтобы не видеть ее больше, не слышать об этих деньгах, только о деньгах». Вместе с тем я все время понимал, что это истерический припадок и что на самом деле я ничего такого не думаю.

Я долго сидел в своем углу. Перед глазами мелькали черные мушки, потом исчезли. Ненависть испарилась, оставив мутный осадок. По сути дела, ничего особенного не произошло. Какой-то человек за письменным столом смерил меня взглядом. Последний в длинном ряду тех, к кому я обращался, за последним в этом ряду столом. Я потерял голову и сделал попытку сказатьсь больным. А когда мне это не удалось, со мной началась истерика. Тогда жена меня одернула, она должна была это сделать, мы не так богаты, чтобы впасть в истерику. Я совершенно отрезвел, мне было стыдно, меня слегка знобило, я сознавал, до чего дошел. Я дошел до точки. Я потерял сострадание к другим. Я упивался горем других, стараясь найти в этом облегчение. Все ужасы, происходящие в мире, стали для меня только средством отвлечься от моих собственных жалких бед. Но все-таки тарелка супу оказалась для меня важнее. Раньше я не был таким, я стал таким теперь, и если это будет продолжаться, я, может быть, дойду до того, что меня используют как орудие убийства. Может быть, да, а может быть, и нет, но, когда я думаю о том, насколько я изменился, я не смею ни за что ручаться. Меня знобило, мне было стыдно, мне было страшно и одиноко. И все же я хотел, чтобы меня оставили одного. Я даже не надеялся, что жена придет ко мне. До сих пор я считал наши отношения несокрушимой скалой, которую не могут размывать никакие подводные течения. Но теперь, притаившись в темноте, я чувствовал, что стою на плавучей льдине. Она еще недалеко от берега, ее еще не унесло в открытое море, но течение тихонько повлекло ее за собой. И я услышал, как течение звенит, точно колокольчик, и мелкие пенные волны плещутся о лед, я увидел перед собой полоску синевато-зеленой воды, которая становилась все шире. Никогда раньше я не испытывал такого страха. Но если бы жена и вошла сейчас, я все равно не решился бы прижать ее к себе и пообещать ей не покидать ее ни в горе, ни в радости, потому что подобные слова люди говорят лишь тогда, когда они благоденствуют, нужно иметь средства, чтобы верить в такие клятвы.

Но она не пришла ко мне, между нами не произошло ни объяснения, ни примирения, и я был этому даже рад. Только поздно ночью, когда я думал, что она уже заснула, ее рука вдруг протянулась ко мне, нашла мою руку и сжала ее.

— Постараемся быть друзьями, — сказала она со своей кровати.

— Да, — ответил я, — постараемся быть друзьями.

Хильмар Вульф

Свадьба

Перевод С. Лялиной

— Если бы этот треклятый финн не оттяпал мне одно ухо, у меня было бы целых два уха и я был бы не так уж плох.
Торстен мрачно поглядел на фьорд и сплюнул табачную жвачку прямо в воду — метра за четыре от склона, на котором сидели они с Анкером.

— А ты не беспокойся зря, может, тебе и без того повезет, — сказал Анкер.

Но Торстен совсем сник и решительно отрезал:

— Такой девушке, как она, нужен муж с двумя ушами.

— Ну, не скажи,— возразил Анкер,— может, ты как раз ей потому и понравишься, что у тебя одно ухо. Девушки любят все необыкновенное.

— А у меня самое обыкновенное ухо, и то, которого у меня теперь нет, тоже было обыкновенное.

— Я знаю, что говорю,— сказал Анкер,— я уже одиннадцать лет женат и живу в деревне. И я знаю женщин.

— Тебе черт-те как повезло, у тебя есть жена и дом, и ты живешь в деревне. А я всю жизнь бродяжил.

— Пожелай только сам, и у тебя тоже будут и жена, и дом здесь на острове,— сказал Анкер,— денег ты привез с собой много, можешь так и сделать. Можешь даже купить лодку, будем вместе рыбачить, а лесопилку я пошлю к чертям.

Торстен выругался. Драка в кабачке Барселоны стоила ему уха, а теперь грозила вконец испортить его прекрасное и независимое будущее.

— Попадись мне сейчас этот треклятый финн, я бы ему голыми руками вырвал оба уха и смазал бы ему этими ушами по морде.

— А все же дурак ты будешь, если не сделаешь, как я сказал,— ответил Анкер.— Вот послушай. Фрида говорила моей жене, что ей до смерти хочется выжать из тебя хоть слово. Она к нам заходит каждый вечер. До того как ты вернулся, она у нас бывала не чаще раза в неделю. Потолкуй с ней и бери ее в жены, дубина ты эдакая, дело-то верное.

Торстен тоскливо вздохнул.

— Ей всего двадцать пять, а мне сорок шесть, и вдобавок у меня только одно ухо.

Анкер оглядел его и сказал, вкладывая в каждое слово груз многолетнего опыта:

— Если девушка дожила до двадцати пяти и ей никто не делал предложения — значит, она прямо с ума сходит, как бы ей найти мужа. А ты мог давным-давно жениться, если бы не боялся разговаривать с девушками.

— Она для меня все равно как принцесса. Если бы у меня были два самых красивых уха на свете, она бы и то мне не досталась,— проворчал Торстен, упиваясь своей несчастной любовью.

Тут оба встали и медленно побрели домой. У Анкера вид был грубокомысленный. Торстен же меланхолично взирал на островные домики и обрывы, где сушились сети, издавая запах рыбы и семейного уюта. Вот он снова в родном краю, без уха и без жены. Треклятый финн.

Этой ночью Анкер долго шептался со своей женой. На следующий день было воскресенье, жена Анкера с самого утра отправилась к Фриде и долго разговаривала с ней.

Фрида работала на фабрике, где изготавливали рыбацкие сети. Жила она со своими родителями, но была бы рада обзавестись собственным домом и собственным мужем. Каждое утро и каждый вечер она переправлялась на лодке через пролив вместе с Анкером и другими жителями острова. Она уже кое-где забрасывала удочку, но ей так никто и не сделал предложения, хотя у нее были ловкие руки, да и сама она была пышная и довольно симпатичная.

В это же воскресенье после обеда Фрида снарядилась в торжественный рейс и направилась прямо к дому Анкера. Она застала Торстена одного. Он был так занят, что не слышал даже, как она вошла. Он стоял перед зеркалом и пытался сделать себе новую прическу так, чтобы густые волосы закрыли ту сторону, где нет уха. Когда Фрида сказала: «Добрый день», он с перепугу выронил гребень. Волосы встали

дыбом, и вид у Торстена получился самый плачевный. Придя в себя, он потоптался у зеркала и тяжело опустился на колоду.

Фрида сказала: «Уф!», расположила свои пышные телеса рядом с Торстеном и спросила про Анкера и его домашних.

Торстен, заикаясь, выдал из себя, что все ушли.

— Значит, мы одни,— сказала Фрида и уселась поудобнее.

Торстен даже не решился ответить — он сидел и скреб подбородок.

— Выходит так, будто мы с тобой вдвоем живем в этом доме,— сказала Фрида.

— Вдвоем? — переспросил Торстен и огляделся вокруг.

— Да, вдвоем, и было бы очень неплохо, если бы так оно и получилось на самом деле,— сказала Фрида и нежно поглядела на него.

Торстен просто не знал, куда деваться. Он пробормотал что-то нечленораздельное, но спорить не стал.

— А может, тебе не по нраву жить вдвоем со мной в одном доме? — спросила Фрида.

— Вдвоем с то-то-тобой,— повторил Торстен в полном унынии.

— Может, я и сама тебе не по нраву? — продолжала Фрида.

— По нраву,— повторил Торстен.

— Может, ты не веришь, что из меня получится хорошая жена? — спросила Фрида.

— Не верю?! — проревел Торстен.

— Почему у тебя нет жены? — спросила Фрида.

— У меня нет уха,— пожаловался Торстен.

— Пустяки,— сказала Фрида,— ты отлично справишься и с одним ухом. Да и парень ты все равно видный.

— Мне хорошо заплатили при расчете, я могу сразу купить лодку и дом,— с безрассудством отчаяния произнес Торстен.

— Значит, тебе нужна хорошая жена,— ответила Фрида.

— Хорошая жена,— сказал Торстен.

— Я, например, могу чинить сети и стряпать, и тот, кому я достанусь, никогда не будет ходить в рваных носках,— ответила Фрида.

Торстен нацелился в ящик для дров, стоявший на другом конце комнаты, и сплюнул туда свою жвачку.

— Вот проклятье! — проревел он.

Фрида придвинулась к нему совсем близко.

— А я тебе нравлюсь? — спросила она.

— Да еще как,— ответил Торстен.

— Когда же мы поженимся? — спросила она.

— Вот я завтра куплю лодку и лесу на стройку,— сказал Торстен и почувствовал себя на вершине блаженства.

Свен Йенсен

Солідарність

Перевод К. Телятникова

Юрисконсульт Меллер и заведующий типографией Лундстен вышли из большой стеклянной клетки, заменявшей Лундстену кабинет, и начали дневной обход. Впереди стремительно шагал юрисконсульт, высокий, худощавый, с маленькими пронизывающими глазками, от которых, казалось, не ускользала ни од-